

УДК 801.3(=82)

БИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА (на материале литературы Древней Руси)

© 2011 г.

О.Н. Кондратьева

Кемеровский госуниверситет

Kondr25@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.02.2011

Изучается роль биоморфной метафоры в концептуализации внутреннего мира человека в древнерусской лингвокультуре. Описываются фреймы, структурирующие данную метафору: «жизнь/смерть», «здоровье/болезнь», «голод/сытость», «бодрствование/сон».

Ключевые слова: концептуализация, концептуальная метафора, фрейм, душа.

В лингвистических исследованиях последних лет активно рассматриваются особенности концептуализации различных сфер действительности. Одним из основных способов концептуализации является метафора, в которой антропоцентрическая лингвистика увидела «глобальное свойство языка, один из способов мышления о мире и познания мира» [1, с. 5]. Особенно велика роль метафоры «для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [2, с. 3]. Таким образом, концептуализация внутреннего мира человека происходит преимущественно метафорическим образом.

Значительная часть исследований, посвященных особенностям концептуализации внутреннего мира человека, выполнена на основе современного материала, практически не изучаются в подобном аспекте древнерусские тексты. Между тем, как отмечает В.В. Колесов, «мы должны понять и то, что именно и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира» [3, с. 8].

Задача данной статьи – описать роль биоморфной метафоры в процессе концептуализации «души» в древнерусской литературе. Для этого необходимо выделить структурирующие метафорическую модель фреймы и слоты [4], установить лексемы, включенные в процесс метафоризации, определить основания метафорического переноса.

Модель живого организма была первой познавательной моделью, с помощью которой происходило осмысление разных фрагментов действительности. Биоморфная метафорическая

модель позволяла представить «непредметные сущности», в том числе и душу человека, через ассоциации с жизнедеятельностью живого организма. В процессе исследования было установлено, что биоморфная метафора, задействованная в концептуализации внутреннего мира, включала в свой состав четыре основных фрейма: «жизнь/смерть», «здоровье/болезнь», «бодрствование/сон», «питание/голод».

1. Фрейм «Жизнь/Смерть». Лексика жизнедеятельности биологических организмов на протяжении всего периода развития языка становилась источником метафоризации. Как отмечает Л. В. Балашова, «в центре этой когнитивной модели лежит представление о жизни как о бытии чего-либо» [1, с. 122].

Слот 1. «Жизнь». Все, что связано с существованием живого организма, славяне обозначали корнем *жи-*, и в процесс метафоризации внутреннего мира человека вовлекались лексеммы *жити, жизнь, живой: аще ѹбо снѣ от отца твоего, диявола, воспринимъ, много ложными словесы своѣми сплетаешн, яко вѣры ради избѣжалъ еси – и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя* (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»); *...дүшү живү прнятъ Господь* («Летописец Еллинский и Римский»). Как видно из приведенных контекстов, в древнерусской культуре 'жизнь' души связывается с Богом, вне Бога существование души невозможно. Именно Бог творит душу и вдыхает ее в человека, поэтому душа предстает как жизненная сила, пока жива душа, жив и человек.

Слот 2. «Смерть». Лексеммы, входящие в лексико-семантическое поле «смерть», также с

древнейших времен активно включались в процесс метафоризации. Представления о прекращении физического существования реализовывались посредством лексем с корнями **-мер-** (*мертвый, смерть, умереть* и др.) и **-гив-** (*гибель, погнѣнѣть, погубити* и т.д.).

Смерть – это прекращение жизненных функций организма, т.е. по сути, логичное завершение жизненного пути, его последний этап. Душа в христианской традиции предстает как бессмертная сущность, бесплотное начало, продолжающее существование и после разрушения физической оболочки: *прочая же дѣла тогда оскудѣют, душа же всегда безсмертна будеть* («Александрия»); *душа же прѣбысть якоже бѣ и прѣжде того – невестственна вѣ, умна и бесмртна* («Диоптра Филиппа Пустынника»). Однако уже в древнерусских текстах прослеживается четкое различие судьбы праведных и неправедных людей. Не подвержены смерти только души праведников: *праведныхъ бо душа не умирають, якоже рече Соломонъ: похвала праведному, возвеселять ся людие...* («Новгородская I летопись»).

Разрушительность для человека и его души нарушения христианских заповедей метафорически представлена как ‘смерть’ души, ее ‘погибель’: *сущему бо въ неразумении Божиимъ тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбелне естественное* («Повесть о Варлааме и Иоасафе»); *ныне исполу мертва есть душа моя* («Повесть об осаде Соловецкого монастыря»).

Причиной ‘гибели’ души может послужить неправедный образ жизни: *лжѣ блудися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаетъ и тело* («Поучение Владимира Мономаха»); *аще ли крадетъ и, учимъ, не останеть того, ижжените и, яко свою душу погубити и вся сущая на мѣстѣ томъ възмущаетъ* («Скитский патерик»); отречение от христианства: *и прельстишася славою свѣта сего, идоша въсквозѣ огонь и поклоншася кусту и солнцю, и погубиша душа своя и телеса* («Софийская I летопись»), нежелание покаяться: *оуподобнвса злымъ ерниткомъ. не кающимса погубит дшу свою и с тѣломъ* («Ипатьевская летопись»).

Гибель, в отличие от смерти, предотвратима. От самого человека зависит, сможет ли он спасти свою душу от гибели, сохранить ее: *могущая таковымъ житьемъ и тако дшу спасти. но кровью мчньскою шмывшеса прегрешении своихъ* («Лаврентьевская летопись»); *кто бо постражетъ болезнью тою ... тѣло его*

мучитьса. а душа его спасетьса («Ипатьевская летопись»).

Таким образом, наиболее распространенным в древнерусских текстах является использование метафор смерти в характеристике души для указания на духовную гибель, утрату нравственных или идеологических ориентиров.

Слот 3. «Воскрешение». Характерная особенность древнерусской метафорической системы – «фиксация (в соответствии с религиозным мировоззрением) возможности вторичного рождения, обретения жизни после смерти» [1, с. 125]. В христианской культуре способность воскрешать умерших является атрибутом исключительно Бога (см. например, о воскрешении Лазаря). Метафоры воскрешения использовались для обозначения состояния души, осознавшей свои прегрешения и покаявшейся, отвергнувшей язычество: *Радуйся, въ владыкахъ апостоле, не мертвыа тѣлеса въскрѣшав, нъ душею ны мертвы, умерьшаа недумомъ идолослуженна въскрѣснв!* («Слово о законе и благодати митрополита Киевского Иллариона»).

2. Фрейм «Здоровье/болезнь». Данный фрейм основан на представлениях о нормальной и нарушенной жизнедеятельности организма. В.В. Колесов отмечал, что «древний русич до XVI в. здоровьем считал не физическое, а душевное, моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, он понимал как благо, как дар и награду за душевное свое здоровье» [3, с. 103].

Слот 1. «Здоровье». Здоровье – это физическое состояние, соответствующее норме. Метафоризации подвергаются лексемы с корнем *здрав/здоров*. Изначально прилагательное *сѣдоровъ* «значило ‘крепкий, как дерево’; употребление его по отношению к человеку было не более чем метафора» [3, с. 97]. В христианской традиции здоровье является признаком божьего благословения и безгрешности [5, с. 103]. ‘Здоровье’ души предстает как одна из главных ценностей: *Святый Дух, приходя освящает ю и даетъ сдравне душам и тѣлом, и грѣхом очищение* (К. Туровский. «Слово о расслабленном»); *аще хощетъ вечныя мѹки не страдати, но здравне душевно от бога стяжати* (С. Полоцкий. «Вертоград многоцветный»). В представлении древнерусского человека душевное здоровье является необходимым условием здоровья телесного: *вънниман себе, да покажеш дшьное и доброе сѣдравне* («Изборник 1073 г.»).

Слот 2. «Болезнь». Отклонения от принятой нормы, нарушения в жизнедеятельности, воспринимаются как проявления болезни. Общее понятие о болезни (в том числе и души) передается словами с корнями -боль-, -хвор- или отрицательными дериватами *немошь-, недуг-, несдоров-*: *слышавъ же Феодоръ. и болѣзньнѣ душею бывъ* («Житие Федора Студита»); *моли бога прославшаго того, недугъ душъ и тѣлесъ отяти* («Хроника Георгия Амартола»); крепость телесная да не будет *немошь душе*, крепость же душевная *мудрость есть* («Мудрость Менадра мудро-го»).

Греховность – это основная причина, приводящая к ‘заболеваниям’ души: *и работное тѣло владыки дшоу ранить съгрѣшивъшоу* (Изборник 1073 г.); *да исцѣлѣеть всакъ недоугъ дшвннй бывающии грѣха ради нѣкоого* (СДЯ XI–XIV вв. КЕ). Мирские страсти также оказывают разрушительное влияние на человеческую душу и с трудом поддаются врачеванию: *иже дшвннѣю страстнѣю боли. и безмолвие начинания подобенъ есть иже в поучинѣ от лодия искочившю* («Пандекты Никона Черногорца»). Более того, грехи души могут привести и к болезни тела: *души грѣхъ, тѣлоу болѣзнь* («Поучения Иллариона Новгородского»).

Слот 3. «Лечение и выздоровление». Человек стремится освободиться от болезни, доставляющей ему душевный дискомфорт, восстановить нормальное функционирование души: *да избавимъся недоугъ доушевннхъ* (СДЯ XI–XIV вв. К.Тр.С.). Некоторые душевные ‘недуги’, развившиеся давно и остававшиеся без лечения, с трудом поддаются врачеванию: *недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшися и неѹдобны к исцѣленнѣю* (А. Курбский. «Послания Ивану Грозному»). Излечение пороков может быть достаточно болезненным: *нѣжнѣ имашии врачьбѣ. злобѣ души. болѣзньна бо врачьба. въ многыхъ стenanнхъ и слезахъ* (СДЯ XI–XIV вв. ГБ).

В качестве ‘лекарства’, исцеляющего больную душу, выступают божественные слова: *и Приточникъ же рече: Вотове медвенни слова добраа, и сласть же ихъ – исцеление души* («Инока Фомы слово похвальное»); *душу же свою царскую ѹмашая поученнемъ божественныхъ глагол* (Иов. «Повесть о житии царя Федора Ивановича»). Душевные ‘раны’ вылечиваются победой над мирскими страстями, отречением от земных страстей, умерщвлением

плоти, очищением от грехов: *истончивъ плоть и ѹмртвивъ ѹды сущаа на земли, страсти телесныя покоривъ дѹхови, победивъ вреды дѹшевныя, поправъ страсти житннйска, отвръгъ земнаа попеченна...* («Житие Сергия Радонежского»).

К душевному ‘исцелению’ приводит исповедь: *исповѣданикмъ бо стрѹпи дшннн исцѣлѣють* («Изборник 1076 г.») и искреннее покаяние: *вижь, слѹшателю, покаяние матерне колникѹ силѹ сотвори: дѹшѹ свою изврачевала и сына исцелла!* («Житие протопопа Аввакума»); *покайся, възлюблене тебе дѣля врачъ прѣде дшевннй, а ты стрѹпы крыеши и отвѣгаеши* («Златоструй»). ‘Исцеление’ души сопровождается, как правило, в представлениях человека Древней Руси, исцелением и тела: *исцѣленье приемше дшамъ же купно и тѣломъ* («Житие Василия Нового»); *на исцѣлѣннѣ дшмъ. на въздравне тѣломъ* («Пролог»).

Согласно древним представлениям, помимо врачей, лечащих тело, существовали и такие, которые врачевали душу. Чаще всего в качестве духовного лекаря выступает Бог, исцеляющий измученную болезнью душу человека: *мене хѹдаго да не въпрашаетъ нѣ оучителя. и врача дшъ нашихъ гса и ба ис хса* («Пандекты Никона Черногорца»); *Христосъ бо ми есть цѣлитель души и тѣлу* («Великие Минеи-Четьи митрополита Макария»);

3. *Фрейм «Сытость/голод»* В Евангелии сказано, что истинный хлеб, хлеб не временной, а вечной жизни, есть Иисус Христос, и человек должен заботиться не только о тленной пище, но и в первую очередь о пище, дающей жизнь вечную душе

Слот 1. «Голод и жажда». Самыми многочисленными при описании ‘голода’ и ‘жажды’ души были лексемы *жажда, гладъ, алкати* и их производные. В древнерусских текстах душевный ‘голод’ предстает как особое состояние, отличающееся от голода, который испытывает сам человек, голода телесного: *не о хлѣвнѣмъ гладѣ но о дшвнемъ* (СДЯ XI–XIV вв. Сб. Соф.) Испытывает душу и жажду: *да поне мало напою жадущая душа божественаго словесе* («Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря»). При этом ‘голод’ и ‘жажда’ души оказываются более значимыми, нежели телесные физиологические потребности: *не гладъ хлѣба, ни жажда воды поѹбляетъ чelовѣка, но гладъ велий чelовѣкѹ – бога не моля жити* («Житие протопопа Аввакума»).

Если душевный 'голод' и 'жажда' не будут удовлетворены, то душа слабеет и даже гибнет: *молитвы же дѹшьныя пища не отълагай, якоже бо тѹжить тѣло и отънемагаетъ пиштя лишяемо, тако дѹша молтвьныя сладости лишяема на раславление и ѹмьртвене ѹмьное приближаетъ* («Изборник 1076 г.»); *о дѹше моя, что за воля твоя? ... и в нищетѣ без милости сама себе изнѹряешь, жаждѹю и гладомъ лютѣ ныне ѹмираешь* (Аввакум. «О, душе моя...»).

Как видно из приведенных контекстов, в древнерусских текстах метафоры душевного 'голода' и 'жажды' используются для ситуаций, связанных с духовной жизнью человека, его потребностью в присутствии Бога в его жизни, стремлением к восприятию божественных слов и молитв.

Слот 2. «Процесс насыщения». В процессе насыщения происходит утоление голода и жажды, что необходимо для обеспечения нормального функционирования живого организма. Данный фрейм метафорически описывает процесс удовлетворения желаний человека, достижение цели. Лексические единицы, участвующие в метафоризации, – *питати, понти, кѣрмити, вѣкѹсити, насытити, наслажатися, пища, питне, ядь*.

В древнерусских текстах 'насыщение' души происходит при участии Бога и связано с обращением к Священному Писанию, историям из жизни святых и праведников, добродетельной жизнью: *и аще Богъ благоволит и твое священство, да мя сподобиши бытии причастника Святых и Животворящихъ Ганнѣ Причистаго Тѣла и Честныя Крови Владыки Христа и Бога моего, от много лѣт желаю напитатися дѹшепитательною сею пищею!* («Жития Зосимы и Савватия Соловецких»); *тѣмже ѹготовитесь всею дѹшею на се насыщение, да болни и азъ самъ подвигнуся на начатѣ повѣсти сея и положю предъ вами дѹховныя доблести сего мѹжа* («Житие Андрея Юродивого»); *могутъ бо и множество крѹпницъ насытити алкѹющихъ дѹша* («Житие Сергия Радонежского»).

Слова Евангелия, молитва, благочестивое участие в жизни Церкви и участие в судьбе близких – вот истинная 'пища' души, *словеса бо евангельская пища сѹтъ дѹшамъ нашимъ .. темже и мы, ѹбози, тоя трапезы останковъ крѹпницы вземлющен, насыщаеся* (К. Туровский. «Слово на вербницу»); *пищу чбо аггельскую Писании дѹховна словеса нарицають, им же дѹша наслажается* («Житие Сергия Ра-

донежского»); *помню твою дѹховнѹю любовь, какъ ты меня посѣщала и дѹшу мою дѹховнѹю пищею питала* («Переписка Е.Ф.Морозовой с Аввакумом и его семьей»); *молитвы же дѹшьныя пища не отълагай* («Изборник 1076 г.»).

Слот 3. «Сытость». Душа, безусловно, стремится к удовлетворению своих насущных физиологических потребностей, к утолению голода и жажды, ведь это необходимо для продолжения ее существования. Логичным этапом в этом процессе должно стать состояние сытости. Тем не менее, в изученном древнерусском материале нам не встретилось контекстов, где бы речь шла о сытой душе. Думается, это объяснимо тем, что христианская мораль проповедует аскетизм во всем, что связано с физиологией. Негативная оценка сытости достаточно прочно утвердилась в русской культуре. Сытость зачастую воспринимается как показатель аморфности, безынициативности, неспособности к восприятию информации. Это проявляется и во фразеологии (ср. *сытое брюхо к ученью глухо*) и даже в значении лексем, формирующих словообразовательное гнездо с корнем *сыт-* (ср., например, *пресыщенный*).

4. Фрейм «бодрствование/ сон» Традиция использования метафор сна и бодрствования для описания религиозного существования человека, его духовной жизни сложилась в текстах Священного Писания. Эта традиция дала импульс и для использования подобных метафор в древнерусской культуре

Слот 1. «Бодрствование». В метафорическом представлении души задействованы лексемы *вѣдрѹть, вѣдѣти* и их производные. Бодрствование – это состояние, противоположное сну. В древности под бодрствованием также понимали и бдительность, несение стражи. Аналогичная характеристика души человека, которая должна пребывать в состоянии постоянной бодрости, присутствует и в древнерусской литературе: *чистыхъ дѹшъ точно невѣстникъ, и бодрѣе дѹшъ съ собою водит, яже съ свѣтлами свѣщцами и съ многою пищею масла срящѹт* («Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича»); *отягченъ лежаше, дѹша же его вѣдѹщи, во ѹмѣ моляшеся, яко да приметъ святаго молтвнами исцѣление, тогда видитъ блаженнаго отца, предстояща емѹ* («Житие Кирилла Новоезерского»). Таким образом, бодрость души, ее бдения в данный временной период описывают постоянную готовность души к встрече с Богом, ее стояние на страже, битву с искушениями.

Слот 2 «Сон». Сон – это состояние покоя, отдыха души и тела после работы, позволяющее восстановиться и обрести силы. В христианской традиции «сон сравнивается с состоянием греховности и распущенности» [4, с. 914]. Лексемы **сънъ, съпати, дрѣмати** в процессе метафоризации создают образ души, погрязшей в грехах и забывшей об истинном смысле жизни. В древнерусских текстах звучит призыв избегать сонного состояния души, отгонять от нее дремоту: **отнимите дрѣманне от дшъ ваших** (СДЯ XI–XIV вв. ФСт.).

Слот 3. «Пробуждение». Пробуждение – это состояние, когда человек перестает спать, просыпается. Под пробуждением часто понимается «отказ от пассивного поведения и освобождение от уязвимости, связанной со сном, дабы взять инициативу в свои руки и предпринять решительные действия» [5, с. 914].

Лексемы **провоудитиса, възстати** (ото сна) метафорически употребляются, когда речь идет о призыве очнуться от греховного сна и покаяться: **Въстани, окааннаа душе моа! Въстани, убога! Въстани, смиренна! Въстани! Что спиши? Въстани, победи, дондеже время ти есть! Въстани, окааннаа, преже смерти малодушне отжени, слабость отложи, исповѣжь Господу Богу, яже согрѣшила еси, отнелиже Туркова».**

Таким образом, биоморфная метафора является одним из наиболее древних и значимых способов концептуализации души человека. Все биоморфные характеристики души в изучаемый период связаны с религиозной сферой жизни человека. Метафорические переносы в рамках большинства фреймов и слотов прямо или кос-

венно связаны с базовой христианской оппозицией «праведное» – «греховное». Так ‘сон’ души, ее ‘болезнь’ и ‘погибель’ связаны с состоянием греховности, нарушением общечеловеческих норм, а ‘пробуждение’ и ‘выздоровление’ – с осознанием собственной греховности и покаянием. Религиозный характер биоморфной метафоры обусловлен особенностями менталитета средневекового человека и историко-культурной ситуацией того времени.

Источники

1. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997–2010. Т. 1–17.
2. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997 и сл.
3. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988 и сл. (по томам).

Список литературы

1. Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX вв. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 217 с.
2. Телия В. Н. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
3. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 326 с.
4. Чудинов А.П. Метафорическая модель и методика ее описания // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 113–118.
5. Словарь библейских образов / Под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2008. 1424 с.

BIOMORPHIC METAPHOR AS A WAY OF CONCEPTUALIZING THE HUMAN SOUL (based on the material of ancient Russian literature)

O.N. Kondratyeva

We study the role of biomorphic metaphors in conceptualizing man's inner world in Old Russian linguoculture. The frames that structure this metaphor are described: «life/death», «health/illness», «hunger/satiety», «wakefulness/sleep».

Keywords: conceptualization; conceptual metaphor, frame, soul.